

УДК 397, 902/604

СПОСОБЫ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ К ЭКОЛОГИЧЕСКИМ КРИЗИСАМ

Баштанник Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологии, Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: abai@yandex.ru

В статье на основе данных археологии и этнологии рассматриваются проблемы, связанные со способами адаптации материальной культуры древних и традиционных обществ к изменениям экологической обстановки. Культурная адаптация понимается как процесс и результат приспособления человеческого коллектива к условиям внешней среды в результате стремления к более устойчивому существованию. Суть адаптационной стратегии выживания заключается в осознанном стремлении общества к устойчивости своего существования в изменяющихся или измененных условиях. Выделены такие способы культурной адаптации, как приспособление орудий труда и транспортных средств, переход от присваивающего хозяйства к производящему или, наоборот, отказ от одних форм хозяйства и переход к другим в рамках производящей экономики (например, переход от оседлого хозяйства к кочевому или наоборот), отказ от одних форм хозяйства и переход к другим в рамках присваивающей экономики, миграции избыточного населения в случае чрезмерного демографического давления на вмещающий ландшафт, рациональное пользование, хранение, сбережение жизнеобеспечивающего ресурса. Показана адаптационная роль перехода к более примитивным формам культуры (регрессивные, рецессивные адаптации).

Ключевые слова: экология, культура, адаптация, ресурсы, жизнеобеспечение.

WAYS OF CULTURAL ADAPTATIONS TO ECOLOGICAL CRISES

Bashtannik Sergey Vasilievich, PhD in History, Researcher, Laboratory of Archaeology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: abai@yandex.ru

On the basis of archeological and ethnological data deals with the problems related to the processes of adaptation of the material culture of the ancient and traditional societies to changes in environmental conditions. Cultural adaptation is understood as a process and the result of collective human adaptation to environmental conditions as a result of striving towards a more sustainable livelihood. The essence of adaptive survival strategy is a conscious effort to society towards sustainability of its existence in a changing or changed conditions. Highlighted such ways of cultural adaptation as adaptation of tools and transports, transition from foraging to food production economy or vice versa, refusing of some forms of the economy and the transition to another within the productive economy (for example, the transition from sedentary farming to nomadic or vice versa), refusing of some forms of the economy and the transition to another within the appropriating economy, migration of surplus population in the event of excessive demographic pressure on the surrounding landscape, rational use, storage, saving life-supporting resource. The adaptive role of the transition to more primitive forms of culture (regressive, or recessive adaptations) is shown.

Cultural adaptation (from the Latin *adapto* - adaptive) is the system of technical, cultural and social measures, actions aimed at overcoming the environmental crisis to survive in specific climatic conditions. Cultural and historical events correlate well with the landscape and climate change: cooling, warming, drying or moistening of climate. They cause a quantitative and / or qualitative change in the available biomass, i.e. the resource base of ancient societies. This led to the cultural and social changes that were adaptive response of human communities. Adaptation research paradigm allows us to describe the dynamics of society and environment interaction.

Keywords: ecology, culture, adaptation, resources, livelihoods.

Культурная адаптация (от лат. *adapto* – приспособляю) – система технических, культурных и социальных мер, действий, направленных на преодоление экологического кризиса, выживания в конкретных природно-климатических условиях. Это система ответов на природные вызовы. Адаптационная исследовательская парадигма позволяет описать динамику взаимодействия общества и окружающей среды.

Культурные и исторические события хорошо коррелируются с ландшафтно-климатическими изменениями: похолоданием, потеплением, аридизацией, гумидизацией. Они обуславливали количественное и/или качественное изменение доступной биомассы, то есть ресурсной базы древних обществ. В дальнейшем это вело к культурным и социальным изменениям, которые и были адаптивной реакцией человеческих сообществ. Необеспеченность каким-либо важным ресурсом ведёт к поиску заменяющей его альтернативы. Эти ответы-адаптации имели цель освоить иной тип ресурса в условиях, когда ресурс,

ранее бывший основным, перестал обеспечивать общество необходимой пищей, сырьём, проявлялись в изменении облика материальной культуры и принимали формы, рассматриваемые ниже на примерах из археологии и этнологии.

Приспособление орудий труда, транспортных средств

В ресс-вюрмское межледниковье (125–70 тыс. лет назад) в ряде пещер Ближнего Востока зарегистрирована своеобразная ашельская индустрия ябруд, для которой характерно сочетание ашельских орудий с пластинчатой техникой, свойственной верхнему палеолиту. Но если тогда это был эксперимент, не получивший дальнейшего развития (но осевший в коллективной памяти – культуре), то в эпоху верхнего палеолита пластинчатая техника получила всеобщее распространение. Причина в том, что с началом вюрмского оледенения на Ближнем Востоке создалась напряженная экологическая ситуация, о масштабах которой свидетельствует сокраще-

ние числа населения, что фиксируется по уменьшению количества стоянок мустьерской эпохи, которых здесь меньше, чем стоянок предшествовавшей ашельской эпохи. В условиях хронического недостатка пищи древние люди делали все возможное, чтобы усовершенствовать орудия охоты, и вернулись к забытой идее стандартизации заготовок каменных орудий путем изготовления пластинок. Идея оказалась продуктивной: изготовление орудий, предназначенных для охоты и для обработки туш, упростилось; сами орудия стали более эффективными. На какое-то время решение проблемы голода было достигнуто [6, с. 48].

Пример из быта эвенков. Для них была нехарактерной езда на нартах, олени использовались под выюк или, реже, верховую езду. Появление нарты зарегистрировано у некоторых групп только в XVIII–XIX веках. Познакомившись с веерной ездовой упряжкой самодийского типа, эвенки творчески приспособили ее к условиям тайги. Если на открытых пространствах тундры и лесотундры упряжка была веерной, то в тайге у эвенков она стала парной с одним для двух оленей тяжом [3, с. 101–102], что было удобнее в закрытых пространствах тайги и узких горных долин.

Переход от присваивающего хозяйства к производящему или наоборот

В XVII–XVIII веках на Крайнем Севере произошла так называемая «оленоводческая революция» – появление в циркумполярной зоне крупностадного оленеводства. Этому способствовало похолодание, которое в данном случае выступило не кризисным, а благоприятным фактором: в условиях холода меньше размножаются кровососущие насекомые, от которых страдают северные олени. Фазы похолодания климата, стимулировавшие численный рост оленей, в недавнем прошлом отмечались дважды – в 1570–1650 и 1720–1830 годах. До этого оленеводство ненцев вплоть до позднего Средневековья оставалось преимущественно транспортным и мелкостадным. К моменту встречи с русскими в XVI–XVII веках у большинства обитателей тундровой зоны Евразии: ненцев, предков тундровых энцев и части нганасан, юкагиров, северных эвенков, кольских саамов, кочевых групп коряков и чукчей – преобладала комплексная система жизнеобеспечения с ведущей ролью промыс-

лов (охоты и рыболовства) и вспомогательным, мелкостадным оленеводством. Домашние олени использовались почти исключительно для транспорта и имелись в очень ограниченном количестве: максимальные известные по источникам XVII века размеры отдельных стад не превышали 100 голов. Следовательно, мясо для питания и шкуры для бытовых нужд и обмена поставляла охота на диких оленей, бывшая тогда основой жизнеобеспечения всех тундровых кочевников. Быстрый рост поголовья домашних оленей в тундрах Евразии начинается только в XVIII веке, причем почти одновременно в западной и восточной частях.

С XVII–XVIII веков за короткий срок народы циркумполярной зоны из охотников превратились в пастухов, и основой тундровой экономики стало крупностадное оленеводство [4, с. 87–91].

Противоположный пример известен из этнографии чукчей. Часть их во второй половине XIX – начале XX века вынуждена была оставить производящее хозяйство – оленеводство и перейти к присваивающему – добыче морского зверя и рыбной ловле. Причиной переключения на другой жизнеобеспечивающий ресурс было иссякание привычного – оленей, что отражено источниками. Например, начальник Анадырской округи в 1895 году сообщал приамурскому генерал-губернатору, что «у многих инородцев погибло более половины стад». В 1915 году из Анадырского уезда доносили, что «эпизоотии оленей не прекращаются». С 1897 года по 1915 год «погибло не менее 300 000 оленей». Начальник Чукотского уезда в 1910 году доносил, что «на востоке Чукотского полуострова олени почти совсем перевелись. Не так даво... в районе Мечигменской бухты стояли крупные оленеводы. Но гололедица и выкочевки обезоленили край и теперь там только изредка можно встретить маленькие стада». Большой урон оленеводству наносили нападения волков и гололедицы. Во время гололедицы зимой 1904–1905 годов около сорока малооленных хозяйств чукчей в районе Чауна потеряли всех своих оленей. Тот же процесс обеднения слабых хозяйств чукчей наблюдался и к востоку от Колымы. В результате гибели оленей у чукчей западной тундры «интенсивно распространяется переход от кочевого скотоводства к полuosедлому рыболовству».

Как чукчи приспособлялись к новым условиям, описывает С. А. Бутурлин: «Я был поражен той степенью духовной и бытовой эластичности, которую они... выказали, переходя без замедления от привычного бродячего пастушества к полuosедлому рыболовству. Всего несколько лет назад можно было проехать от Колымы до Чаунской губы, не встречая у моря чукчей, теперь же повсюду виднеются их руйды (юрты). Я видел стариков, в первый раз прикочевавших к морю с тундренных хребтов, чтобы приобрести рыболовные и нерпичьи сети и поучиться у русских их метать» [9, с. 60, 67].

Отказ от одних форм хозяйства и переход к другим в рамках производящей экономики, например, переход от оседлого хозяйства к кочевому или наоборот.

Около 5 тыс. лет назад в суббореальный период развития климата произошло понижение температуры и глобальная аридизация климата. Наиболее отчетливо эти процессы проявились в аридной зоне. На протяжении III тыс. до н. э. наблюдалось медленное угасание ряда земледельческих цивилизаций, в том числе трипольской культуры. К началу III тыс. до н. э. здесь произошел максимальный прирост населения, а затем оно резко сократилось. На финальных этапах развития культуры часть трипольского населения двинулась на запад и на юг в поисках новых земель. К середине III тыс. до н. э. трипольская культура исчезла. На ее месте появились памятники ямной культуры. Сложение древнеямной археологической культурной общности следует объяснять прежде всего природными и хозяйственными причинами: в степях в условиях увеличивающейся сухости климата скотоводство, сопровождавшееся крупными кочевками, было наиболее рациональной формой хозяйства. Хозяйственная перестройка повлекла за собой изменения в социальной сфере: возникли крупные и подвижные родоплеменные группы во главе с вождем [6, с. 109]. В подкурганых погребениях ямной культуры обнаружены самые ранние находки в Восточной Европе остатков четырехколесных повозок.

Выбор подобной адаптационной модели был столь успешен, что позволил носителям этой культуры к концу III – началу II тыс. до н. э.

освоить огромную территорию от Прикаспийских степей до Северных Балкан. Некоторые коллективы «ямников» достигли Южной Сибири и приняли участие в формировании афанасьевской археологической культуры III–II тыс. до н. э., принеся в монголоидное сибирское окружение свой европеоидный (палеоевропейский или «кроманьонский») антропологический тип, который известен по черепам из памятников ямной, фатьяновской и срубной культур в Восточной Европе.

Переход к оседлости отмечался у казахов. Так, обедневшие казахи (в XVIII–XIX веках в русской научной литературе их называли киргизами), утратив скот – главное богатство кочевника, – вынуждены переходить к оседлому образу жизни, заниматься земледелием. Но если им удавалось обзавестись некоторым количеством скота, они снова начинали кочевать, время от времени возвращаясь к своему хозяйству на зимовке «Только безвыходная бедность может заставить киргиза обратиться к хлебопашеству, которое он оставляет при малейшей возможности обойтись без него», – писал В. Старков, отметив устойчивость этой древней традиции [17, с. 102].

Один из русских наблюдателей XIX века писал про казахов: «Но лишь только он обзавелся скотом, тотчас бросает свою неуклюжую лопату, которой он пахал землю вместо сохи, – он делается кочевником» [7, с. 17].

Седентеризация кочевников была вынужденной мерой, потому что земледелие в засушливых условиях степей и полупустынь при отсутствии искусственного орошения было всё же не столь экономически выгодно по сравнению с кочевым скотоводством. Показательно, у кочевников даже на ценностном уровне было негативное отношение к оседлому образу жизни, что так же подталкивало их к возврату к традиционной модели адаптации.

Так, скифы считали бедняков, не имевших возможности продолжать кочевание, «бесчестными», людьми «самого низкого происхождения». У огузов обедневшие и оседавшие на землю лица переставали быть полноправными членами общества. Обычное право огузов доброжелательно относилось лишь к кочевому образу жизни. Легендарному Огуз-хану приписывалось изречение:

«Передвигайтесь, не будьте оседлыми, кочуйте по весенним, летним и зимним пастбищам и землям у моря, не зная недостатка. Пусть у вас не убавится молоко, йогурт, кымран» [1, с. 96–97, 109].

Изменениями в характере фауны северо-востока Сибири в значительной степени было обусловлено появление крупнотабунного оленеводства у эвенов. Исчезновение стад диких оленей, снежных баранов и лосей, охота на которых составляла основу жизнеобеспечения эвенов, стало тем экологическим вызовом, который побудил к поиску альтернативных источников существования. И не случайно переход к продуктивному оленеводству начался прежде всего в районах, где оскудение привычной фауны было наибольшим. Эвенское оленеводство первоначально имело транспортное назначение. В русских источниках XVII века нет сведений о наличии у эвенов крупных стад оленей, упоминаются лишь «пробойные дороги», по которым передвигались по тайге при верховой и выючной езде на оленях эвенские охотники. Однако уже в XVIII веке у отдельных групп эвенов наметился переход от транспортного к продуктивному крупнотабунному оленеводству. Особой многооленностью в этот период отличались тауйско-гижигинские эвены, кочевавшие на территории, занятой прежде коряками, от которых они и заимствовали этот тип оленеводства. В конце XIX века у гижигинских и ольских эвенов уже имелись семьи, владевшие многотысячными табунами. Преимущественно оленеводством мясощкурного направления занимались быстринские эвены на Камчатке. Здесь имела место интенсификация использования уже знакомого ресурса.

По мере того как росло поголовье оленей, изменялось и традиционное соотношение отраслей в хозяйстве эвенов, отмирали старые формы комплексной экономики, появлялись новые, основанные на специализации. В многооленных семьях на первый план выдвинулись потребности оленеводства, охота стала играть второстепенную роль, причем преобладал пушной промысел. Изменились и способы охоты – традиционная гоньба все больше уступала место промыслу ловушками, использовать которые можно, не отрываясь от основного занятия. В целом образ жизни крупных оленеводов становился менее подвижным по сравнению с традиционным. В таких хозяй-

ствах более заметным было и влияние чукотско-корякской оленеводческой культуры – практиковались специальное окарауливание стад, езда на нартах, высасывание молока из важенок. Отличительной особенностью эвенского оленеводства от корякско-чукотского являлся выпас небольшими стадами. Крупное стадо в таежных условиях пасти трудно, поэтому многооленные хозяйства разбивали его на несколько табунов (как правило, от 500 до 1 тыс. голов), каждый из которых выпасался отдельно. Малооленные хозяйства, наоборот, объединяли своих оленей в общее стадо такой же численности. Для совместной пастбы и ухода за животными объединялось несколько родственных или соседских хозяйств. Существовали две основные формы производственно-стойбищных объединений: ивульдвкын – группа хозяйств примерно равных по численности оленей и материальному достатку и бэйсэв – хозяйства крупных оленеводов и их малооленных или безоленных родственников. Первые из них базировались на первобытнообщинных традициях коллективизма и взаимопомощи, во вторых – эти же традиции тесно переплетались с патриархальной эксплуатацией труда безоленных и малооленных работников. В малооленных хозяйствах маршрут и протяженность кочевков были обусловлены потребностями главной отрасли – охоты. Момские эвены, например, с наступлением тепла передвигались со своими стадами вслед за диким оленем в Усть-Янский и Аллаиховский районы. В остальное время держались вблизи беличьих угодий [10, с. 63–65].

Отказ от одних форм хозяйства и переход к другим в рамках присваивающей экономики

Во второй половине XIX века для оседлых чукчей заметно возрастает значение рыболовства на фоне упадка добычи морских млекопитающих. Поголовье морского зверя у берегов Чукотского полуострова резко сократилось в результате браконьерской неконтролируемой добычи американскими китобойными судами. Как отмечал В. В. Солярский, «побережные жители Чукотского полуострова еще мало интересуются рыбой, хотя и там уже заметен переход к этому источнику довольствия, который в будущем, по истреблении зверя, должен и для них стать главным» [16, с. 127].

Миграции избыточного населения в случае чрезмерного демографического давления на вмещающий ландшафт. Могут осуществляться в привычную природно-ландшафтную среду, когда сохраняется традиционное хозяйство и быт. Могут быть направлены в чуждую природно-климатическую и ландшафтную среду, адаптация к которой требует освоения новых способов добычи ресурса.

Пример миграций в привычную природно-ландшафтную среду. Минусинские и ачинские тюрки-скотоводы, стремясь преодолеть «земельную тесноту», уходили в малонаселённые районы Саян, где можно было продолжать заниматься традиционным скотоводством или же по примеру русских крестьян сокращали поголовье скота и переходили к земледелию [13, с. 30].

Пример миграций в чуждую, но более благоприятную природно-климатическую и ландшафтную среду. В мезолите – неолите фиксируется три миграционных волны их северного Прикаспия на Южный Урал. Каспийское море подвержено периодическим колебаниям уровня воды – повышениям (трансгрессиям) или понижениям (регрессиям). Регрессии происходили 9700–8000, 7530–6400, 5540–4250, 700 лет назад [2, с. 52]. Регрессии сопровождалась понижением уровня грунтовых вод, пересыханием дельтовых протоков, озёр, засолением водоёмов, что вело к гибели ихтиофауны и сокращению пастбищных угодий диких копытных. В итоге сократились пищевые ресурсы, которые население Прикаспийского региона добывало рыболовством или охотой. Это стало причиной поиска способов выживания в сложившейся неблагоприятной экологической обстановке, и одним из адаптационных решений была миграция в более благополучные районы: так в предтаёжное Зауралье пришли носители боборыкинской культуры.

Пример миграции в чуждую и неблагоприятную природно-климатическую и ландшафтную среду. В конце XVI – начале XVII века по гряде Курильских островов пошел поток новых обитателей с острова Хоккайдо – айнов, вытесняемых с юга японцами. Айны ассимилировали носителей охотской культуры (существовала около 600–1000-х годов н. э. на о. Хоккайдо, до 1600-х годов н. э. на Курильских островах, также была распространена в бассейне реки Амур, на острове Сахалин, на севере Хоккайдо, на Курильских

островах и на Камчатке), но в то же время научились от них многому, что было необходимо для существования в новых, более суровых природно-географических и экологических условиях. Они усвоили морской зверобойный промысел в его специфических формах Курильских островов с соответствующими орудиями, приспособленное для жизни на островах полуподземное теплое жилище, одежду из шкур морских млекопитающих, птиц и пушных зверей, развили керамическое производство типа нейдзи и т. п. Соединение традиционного (айнского) и заимствованного из местной охотской породило новую культуру, создателями и носителями которой и стали айны (курулы) [8, с. 24].

Рациональное пользование, хранение, сбережение жизнеобеспечивающего ресурса

Эвены. Адаптационным способом является освоение новых способов приготовления, хранения и запасаения необходимого ресурса впрок. Исследователи отмечают, что эвены долгое время не делали больших запасов мяса. «Едим только живое», «наша еда на ногах бегаёт», – говорили старые эвены. Но по мере оскудения промысловой фауны появилась потребность иметь определенный запас мяса, который нужно было сохранять. Летом в качестве естественных холодильников использовались речные наледи, затененные расщелины в скалах, где долго не таял снег. В течение нескольких дней неплохо сохранялось мясо в холодной воде горных рек. Устраивались также холодные ямы на северных склонах с вечной мерзлотой. Мясо опускали в яму охлажденным и закрывали травой и корьем, над ямой сооружали навес. Запас мяса в такой яме назывался *ирмукай*, а сама яма – *нимнэ*. Не менее распространенным способом сохранения мяса были сушка и вяление. Мягкие части туши резали на небольшие тонкие ленточки и развешивали их на палке между деревьями. Если погода была пасмурной, под вешалами разводили дымокур, получая таким образом копченое мясо. На солнце его засушивали до твердости. Сушеная лента мяса называлась *олгитча*. Затем ее дробили топором и ели вместо хлеба или варили вместо свежего мяса. Осенью и зимой мясо сушилось в юрте над очагом [10, с. 85–86].

Айны. У айнов промысел лососевых пород рыб регулировался особыми правилами, которые

обеспечивали воспроизводство и сохранность поголовья. Ими регламентировались время и место промысла, количество улова, поведение промысловиков по отношению к лососевым косякам в заливе, устье, нижнем течении реки и на ее притоках. Особо строгими были ограничения, которые относились к местам нерестилищ. Нерестилища кеты даже в разгар лова старались обходить стороной. Массовый лов запрещался во время икрометания. Для речного промысла кеты и горбуши сооружали специальные запруды. Поскольку они препятствовали рыбе подниматься вверх по реке, то ее сооружение надлежало согласовывать со всеми членами общины. И что особенно важно, для запруд выбирали места, где было несколько проток или притоков. Кроме того, запруда никогда полностью не перегораживала русло реки, один край оставался открытым [15, с. 296–298].

Регрессивные, рессивные адаптации.

Они характеризуются утратой более технологичных, сложных, прогрессивных способов жизнеобеспечения, упрощением материальной культуры. Так, с 1707 года казаки, участвовавшие в освоении Камчатки, были закреплены в Камчатских острогах на постоянной службе безвыездно. Вследствие этих обстоятельств казаки прочно оседали на полуострове, обзаводились семьями, вступая в брак с ительменками, которых предварительно крестили. Дети их (мальчики) уже автоматически включались в казачье сословие и с наступлением совершеннолетия начинали нести казачью службу. На Камчатку положенные казакам продукты питания завозились нерегулярно, поэтому казаки приспособивались обеспечивать себя и свои семьи всем необходимым по ительменскому образцу, то есть заниматься промыслами подобно аборигенам, нередко – теми же самыми орудиями труда, с ительменской технологией заготовки продуктов впрок.

«Казачье житие на Камчатке, – писал С. П. Крашенинников, – не разнствует почти от камчадальского, ибо как те, так и другие питаются кореньем и рыбою и в тех же трудах упражняются, летом промысляют рыбу и запасают в зиму, осенью копают коренье...» [12, с. 505]. Не только казаки, но и крестьяне, не добившись удовлетворительных результатов в хлебопашестве, перестраивались на ительменский образ жизнеобеспечения, то есть переходили к рыбо-

ловству, пушному промыслу, собиранию дикорастущих трав. Наряду с рыболовством широкое распространение получило среди русских и упряжное собаководство. Русские постройки в деревнях Камчатки (избы, амбары) дополнялись ительменскими свайными постройками (балаганами) – сооружениями, хорошо приспособленными для хранения зимой вяленой рыбы, продуктов собирательства, летом – предметов зимнего использования (зимняя одежда, собачья упряжь и т. п.).

К. Дитмар, проехав по р. Камчатке, писал: «Благодаря самому тесному общению в течение десятков лет со своими соседями и частым смешанным бракам русские успели столько же заимствовать от камчадалов, сколько передать им свои особенности...» [5, с. 159]. То же отметил в конце XIX – начале XX века С. К. Патканов: «Камчадалы и русские, отчасти перемешавшись между собою... выработали совместно... хорошо приспособленную к местным условиям культуру, которая занимает нечто среднее между прежней камчадальской и русской крестьянской культурой» [14, с. 159].

В XIX веке большая группа русских крестьян переселилась на Камчатку. Постепенно они «оставили свои привычные занятия, забыли про то, что знали прежде; так, они, например, забыли прясть, пахать, сеять, ковать железо и т. п., всё переняли у камчадалов, и теперь вместо того, чтобы учить туземцев сами учатся у них» [11, с. 81]. Здесь имела место регрессивная адаптация при миграции из районов производящей экономики в неблагоприятную для земледелия и пастушества природную среду. Впрочем, коренное население Камчатки тоже перенимало элементы русской системы жизнеобеспечения: внедрилось конопляное волокно для плетения сетей вместо крапивного; очагово, там, где были наиболее тесные контакты русского и коренного населения и позволяли природные условия, развивалось огородничество, засолка рыбы в дополнение к традиционному вялению и квашению, появились срубные жилища, которые стали вытеснять традиционные ительменские полуземлянки с входом через крышу [8, с. 37–38, 42, 62].

Адаптационные возможности культуры, конечно, не исчерпываются описанными выше способами и примерами их конкретной реализации.

Литература

1. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XII веков. – Ашхабад: Ылым, 1969. – 296 с.
2. Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клинке Р. К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоёмов в палеовремени. – М., 1987. – 240 с.
3. Василевич Г. М. Эвенки. Ист.-этногр. очерки (XVIII – начало XX века). – Л.: Наука, 1969. – 305 с.
4. Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 344 с.
5. Дитмар Х. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851–1855 годах. Карла фон-Дитмара: (Исторический отчет по путевым дневникам). – СПб., 1901. – Ч. 1. – 756 с.
6. Долуханов П. М. История средиземных морей. – М.: Наука, 1988. – 144 с.
7. Завадский-Краснопольский А. К. Русское царство. Приаральский край. – СПб.: П. П. Муркульев, 1874. – 235 с.
8. История и культура ительменов. Ист.-этногр. очерки. – Л.: Наука, 1990. – 208 с.
9. История и культура чукчей. Ист.-этногр. очерки. – Л.: Наука, 1987. – 288 с.
10. История и культура эвенов. Ист.-этногр. очерки. – Л.: Наука, 1990. – 182 с.
11. Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.
12. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки: С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. – М.; Л., 1949. – 841 с.
13. Кузнецова А. А., Кулаков П. Е. Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск, 1898. – 313 с.
14. Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири: Стат. мат-лы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. – СПб., 1911. – 210 с.
15. Соколов А. М. Айны: от истоков до современности. (Мат-лы к истории становления айнского этноса). – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – 766 с.
16. Солярский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Мат-лы по изучению Приамурского края. – Хабаровск, 1916. – Вып. 26. – 173 с.
17. Старков В. Краткое обозрение Киргизской степи в географическом, историческом и статистическом отношениях. – Тобольск, 1860. – 113 с.

References

1. Agadzhanov S.G. Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX-XII vekov [Essays on the History of Oguz and Turkmen of Middle Asia in IX-XII AD]. Ashkhabad, Ylym Publ., 1969. 296 p. (In Russ.).
2. Varushchenko S.I., Varushchenko A.N., Klinge R.K. Izmenenie rezhima Kaspiyskogo morya i besstochnykh vodoemov v paleovremeni [Changing the regime of the Caspian Sea and drainage ponds in palaeotime]. Moscow, 1987. 240 p. (In Russ.).
3. Vasilevich G.M. Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII - nachalo XX veka) [Evenks. Historical and ethnographic essays (XVIII - beginning of XX century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 305 p. (In Russ.).
4. Golovnev A.V. Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor [The nomads of the tundra: Nenets and their folklore]. Ekaterinburg, UrO RAN Publ., 2004. 344 p. (In Russ.).
5. Ditmar Kh. Pоеzdka i prebyvanie v Kamchatke v 1851-1855 godakh Karla fon-Ditmara: (Istoricheskiy otchet po putevym dnevnikiam) [Trip and stay in Kamchatka in 1851-1855 years of Carl von Ditmar (Historical Report on the travel diaries)]. St. Petersburg, 1901, part 1. 756 p. (In Russ.).
6. Dolukhanov P.M. Istoriya sredizemnykh morey [The history of the Mediterranean seas]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 144 p. (In Russ.).
7. Zavadskiy-Krasnopol'skiy A.K. Russkoe tsarstvo. Priaral'skiy kray [Russian kingdom. Priuralsky edge]. St. Petersburg, P.P. Murkul'ev Publ., 1874. 235 p. (In Russ.).
8. Istoriya i kul'tura itel'menov. Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and culture of Itelmens. Historical and ethnographical essays]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 208 p. (In Russ.).
9. Istoriya i kul'tura chukchey. Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and culture of the Chukchee. Historical and ethnographic essays]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 288 p. (In Russ.).
10. Istoriya i kul'tura evenov. Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and culture of the Evens. Historical and ethnographic essays]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 182 p. (In Russ.).
11. Kosarev M.F. Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri: Chelovek i prirodnyaya sreda [Ancient History of Western Siberia: the man and the natural environment]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 302 p. (In Russ.).
12. Krashennnikov S.P. Opisanie zemli Kamchatki: S prilozheniem raportov, doneseniya i drugikh neopublikovannykh materialov [Description of Kamchatka land: With the application of reports, messages and other unpublished materials]. Moscow; Leningrad, 1949. 841 p. (In Russ.).

13. Kuznetsova A.A., Kulakov P.E. Minusinskie i achinskie inorodtsy [Minusinsk and Achinsk aborigines]. Krasnoyarsk, 1898. 313 p. (In Russ.).
14. Patkanov S.K. O priroste inorodcheskogo naseleniya Sibiri: Stat. materialy dlya osveshcheniya voprosa o vymiraniy pervobytnykh plemen [On aborigines' population growth of Siberia: Stat. materials for illumination of the question of the extinction of the primitive tribes]. St. Petersburg, 1911. 210 p. (In Russ.).
15. Sokolov A.M. Ayny: ot istokov do sovremennosti. (Materialy k istorii stanovleniya aynskogo etnosa) [Ainu: from its origins to the present. (Materials for the history of the formation of the Ainu ethnic group)]. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2014. 766 p. (In Russ.).
16. Solyarskiy V.V. Sovremennoe pravovoe i kul'turno-ekonomicheskoe polozhenie inorodtsev Priamurskogo kraya. Materialy po izucheniyu Priamurskogo kraya [Modern legal, cultural and economic situation of aborigines of the Amur region. Materials for the Study of the Amur region]. Khabarovsk, 1916, iss. 26. 173 p. (In Russ.).
17. Starkov V. Kratkoe obozrenie Kirgizskoy stepi v geograficheskom, istoricheskom i statisticheskom otnosheniyakh [A brief review of the Kirghiz steppe in the geographical, historical and statistical ways]. Tobol'sk, 1860. 113 p. (In Russ.).